

ОСОБЕННОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РИМСКОЙ ФАМИЛИИ В I в. до н.э. (ПО ПИСЬМАМ ЦИЦЕРОНА)

Б.С. Ляпустин

*Московский государственный институт международных отношений, Москва,
bsl51@mail.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены основные аспекты хозяйственной жизни фамилии римской элиты в последние десятилетия Римской республики. В ней сделана попытка приблизиться к решению одной из сложнейших проблем экономической истории античности – проблеме соотношения политических изменений с экономическим развитием древнего Рима. Переписка Цицерона содержит ценную информацию о важной особенности жизни античного гражданина: включенность его как в политической, так и в хозяйственной жизни в различные контактные группы, где и принимались все решения. Для элиты таким объединением выступает традиционный римский институт *amicitia*, включающий группу друзей и родственников, отношения между которыми строились на основе ценностей в духе нравов предков. Роль этого института возрастает в конце республики, когда в условиях острой политической борьбы одновременно идет рост семейной собственности в Италии и в провинциях. Письма сообщают, как, помимо обсуждения планов, в практику входят различные формы участия родственников и «друзей» в управлении делами фамилии, так как разросшееся хозяйство домовладыки и активное его участие в политической жизни не позволяло *pater familias* в одиночку успешно контролировать все сферы экономической жизни. Обращение к «друзьям» в виде поручения (*mandatum*) не было связано с денежным вознаграждением и шло помимо рыночных отношений.

Помощь друзей и родственников в управлении разросшимся имуществом фамилии указывает на важные изменения, которые происходили в прежде замкнутой, с четко очерченными рамками фамилии. Развитие семейного хозяйства требовало от *pater familias* выхода на новый уровень объединения и экономических связей, которые и открывал феномен *amicitia*. *Amicitia* в дополнение к индивидуальным усилиям домовладыки стала важным инструментом достойного приобретения материальных ресурсов и финансовых средств, что было необходимо как для поддержания элитой высокого социального статуса, так и для политической карьеры.

Ключевые слова: Поздняя республика, древнеримская экономика, Цицерон, фамилия, *amicitia*

Введение

Одной из отличительных черт жизни древнего Рима было настолько тесное переплетение экономических, политических, религиозных и повседневно-быто-

Ляпустин Борис Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент Московского Государственного института международных отношений (университет) МИД РФ.

вых сфер, что разделить их, не внося искажений в историческую картину, практически невозможно¹. В этом контексте на фоне весьма подробно исследованной политической деятельности политических элит в эпоху Поздней республики, связанной с выработкой совместной стратегии у отдельных групп фамилий, стоящих во главе государства, встает вопрос о том, насколько самостоятельной оставалась хозяйственная жизнь этих фамилий. Данный вопрос непосредственно связан с центральной, как отметил Ж. Андро², еще не до конца решенной проблемой экономической истории: как соотносятся между собой политические изменения с экономическим развитием древнего Рима. Представляется, что приблизиться к пониманию этого сложного феномена можно, если рассматривать данную проблему сквозь призму повседневной хозяйственной жизни фамилии высших слоев римского общества (сенаторов и всадников), чему и посвящена данная статья.

В эпистолярном наследии Цицерона отразилась одна из важных особенностей повседневной, хозяйственной и политической сфер жизни античного гражданина, а именно: его включенность в различные контактные группы. В рамках этих контактных микрогрупп принимались все важнейшие решения. Г.С. Кнабе подчеркивал, что «ни один римлянин не предпринимал сколько-нибудь серьезного шага, как в домашних делах, так и в политике без совещания с “друзьями”»³. Обычно в первую очередь советовались с близкими и дальними родственниками, земляками, близкими по образу жизни и мысли соратниками и даже доверенными клиентами и вольноотпущенниками. Эпистолярное наследие Цицерона предоставляет нам уникальную возможность глубже проникнуть в этот пласт повседневной жизни древнеримского общества.

Как показывает переписка Цицерона, принятию решений в хозяйственной деятельности всегда предшествовало обсуждение планов с ближайшими доверенными друзьями и родственниками. Так, братья Туллии Цицероны после возвращения Марка из изгнания в конце 57 г. до н.э. предварительно обсуждали, какими должны стать их восстановленные дома на Палатине, которые были разрушены сторонниками Клодия. Марк с удовлетворением сообщал в письме брату, что дом для него (Квинта) получается даже лучше, чем это представлялось ранее, когда создавали проект (Cic. Q. fr. II. 6 (5). 3). Он хвалит брата за осмотрительность, за то, что тот не спешит с покупкой подгородного имения, но все же советует его приобрести (Q. fr. III. 4.5). Для Марка оказывается невероятным то, что решение о покупке подгородного имения Квинт принял с Титом Аницием, отнюдь не самым близким и доверенным человеком, не обсудив предварительно вопрос со старшим братом. И Марк в письме настойчиво просит поделиться планами насчет усадьбы под Римом (Q. fr. III. 1. 23–24). Круг их общих интересов широк. Так, помимо хозяйственных вопросов, Квинт советуется с Марком и насчет планов пребывания у Цезаря в Галлии (Q. fr. III. 1. 9; 1. 17; 6. 1 и др.).

Различные вопросы Цицерон обсуждает и с Аттиком. И для того, и для другого важно мнение близкого друга и поддержка принятого решения. На это указывают строки из различных писем: «Ты одобряешь мое решение насчет Хрисиппа» (Att. VII. 5. 3. Здесь и далее пер. В.О. Горенштейна); «ведь ты просишь написать

¹ Кнабе 1988, 12; Кузищин, Штаерман 1989, 45, 52.

² Andreau 1997, 169.

³ Кнабе 1988, 14.

тебе, что мне кажется» (Att. XII. 28. 3); «извещай меня самым подробным образом о том, что ты делаешь, где ты, в каком положении твои дела» (Att. I. 14. 7). Цицерон и Аттик постоянно обмениваются самой различной информацией, извещают о ходе дел и принятых решениях.

Активное участие Марка Цицерона в делах брата проявлялось и в других формах. Помимо совместного обсуждения всех проблем, Марк, прежде всего, подробно информирует брата, который находится за пределами Италии, об экономической жизни и финансовых делах его фамилии. Так, в период отсутствия брата в Риме Марк постоянно наблюдает за ходом работ по восстановлению домов обоих братьев на Палатине и регулярно сообщает младшему брату, находящемуся в Сардинии, обо всех изменениях (Q. fr. III. 1. 6). Кроме того, он в курсе дел о сдаче в аренду дома Квинта в Каринах (на римской улице между холмами Целием и Эсквилином) и положительно отзываясь о поселившихся жильцах Ламиях (Q. fr. II. 3. 7). Во всех этих эпизодах Марк Туллий Цицерон фактически выступает «оком брата» в его владениях.

Эту же цель преследуют инспекционные поездки Марка по сельским имениям Квинта, пока тот по служебным делам находится за пределами Италии. Старший брат неоднократно посещает его поместья в Арпине и аркскую усадьбу, которая принадлежала еще их отцу (Cic. Q. Fr. II. 5. 4; III. 1. 1; 3; 4–5), и проверяет качество работ по строительству дороги и проведению воды в поместье, а также осматривает небольшую постройку вилика и дает ей оценку.

Такие же отношения были выстроены с Публием Сестием. В письмах Цицерон советовался со своим другом не только относительно политических событий, но и относительно текущих хозяйственных дел. Так, он обсуждал планы покупки дома Красса и, ободренный позитивным отношением Публия к этому шагу, приобрел особняк за 3 500 000 сестерциев (Fam. V. 6. 2). В свою очередь, когда Публий Сестий в качестве проквестора находился в Македонии, Цицерон проявлял заботу о его доме и постройках и в письме в провинцию информировал друга об их состоянии (Fam. V. 6. 3).

Но осмотром фамильного имущества брата и друзей и информированием их о состоянии дел Цицерон не ограничивался. Марк в отсутствие Квинта мог принимать решения за брата. Сначала он распорядился приостановить строительство аркской усадьбы (Q. fr. II. 5. 4), пока Квинт не вернулся в Рим. Затем, после его нового отъезда из Италии к Цезарю в Галлию, старший брат вновь взял под свой контроль ход строительства в имениях. В аркской усадьбе он проинспектировал постройку водного канала. А в соседней Манилиевой усадьбе Марк осмотрел незавершенные термы, галерею и птичий садок, одобрил величественный мощный портик, украсивший усадьбу, и остался доволен качеством каменных полов (Q. fr. III. 1.1).

Случалось, что Цицерон вмешивался в ход работ и отдавал распоряжения переделать то, что ему не нравилось. Так, он приказал переделать некоторые сводчатые потолки (Q. fr. III. 1. 1), а также велел архитектору Дифилу сломать и заново возвести косо поставленные колонны (III. 1. 2). Внес ряд изменений в планировку бани (III. 1. 2). Он отдавал распоряжения и по ремонту городских домов, поротапливая строителей (II. 5. 3). С. Питтия, специально рассмотревшая, в какой степени Марк вмешивался в дела брата, отметила, что граница между ролью ин-

форматора, управляющего текущими делами отсутствующего брата и принятием за Квинта решений, которые входят в компетенцию главы фамилии, оказывается весьма зыбкой⁴. Однако к этому следует добавить, что Марк переходил эту границу только при определенных условиях: принятие решений в хозяйственных делах за брата совершалось только после того, как проблема уже была предварительно обсуждена и Квинт вынес свое решение. Поэтому все распоряжения Марка в отсутствие брата касались только вопросов всесторонней и оптимальной реализации замысла домовладыки или контроля качества работ. А как только возникала еще не обсужденная проблема, Марк предпочитал ничего не предпринимать и приостанавливал строительство до приезда брата (Q. Fr. II. 5. 4). Как отметила С. Питтия, с клиентами брата Марк в этих ситуациях вел себя как патрон⁵.

Участие в управлении имуществом брата, где значительное место занимает принятие решений в рамках семейного хозяйства Квинта, составляет основную часть совместных действий Марка. Причины этого вмешательства, помимо объективно складывавшихся обстоятельств во время отсутствия Квинта в Риме по государственным делам, проистекают из чувств родства братьев и основанных на этом близких отношений. Во время разлуки, утешая младшего брата, он пишет Квинту, что тоскует по нему не только как по брату. Марк считает его и добрым товарищем, и сыном, выказывающим уважение, и мудрым, подобно отцу (Q. fr. I. 3. 3). В контексте письма становится понятно представление Марка о том, что Квинт к нему относится точно так же. Кроме того, Марк вообще уверен, что у него как у старшего брата больше опыта, и он лучше Квинта разбирается в архитектурном убранстве зданий и устройстве поместья (Q. fr. III. 1. 3).

Помимо управления имуществом брата, когда тот отсутствует в Риме, Марк периодически принимает участие и в финансовых операциях. Так, он совершает для Квинта, видимо, на аукционе покупку за 101 000 сестерциев имения у Фуфидия в Арпине в последний торговый день (Q. fr. III. 1. 3). Самостоятельное решение, которое Марк принял быстро и в одиночку, пока Квинт находился в Галлии, по мнению С. Питтия⁶, прежде всего связано с аукционной продажей, когда времени на согласование не было. И, возможно, соседнее имение покупалось с целью провести воду, а потом продать, чтобы не быть связанным с сервитутом. Продажа поместья после этих мероприятий позволила бы выручить потраченные деньги. Причем о возможности принятия решения о продаже Марк сообщает во множественном числе (Q. fr. III. 1. 3: *si vendere vellemus*), от имени себя и брата. Контекст письма позволяет предположить, что предварительные разговоры о необходимости приобретения этого поместья для Квинта в общих чертах велись. По крайней мере, Цицерон оставляет за братом окончательное решение о дальнейшей судьбе имения (Q. fr. III. 1. 3).

Пока брат по государственным делам находится за пределами Рима, Марк уплачивает подрядчику деньги в счет произведенных работ (Q. fr. II. 4. 2), активно лоббирует в сенате выгодную для Квинта компенсацию в денариях трат за наместничество в Азии. И, получив деньги, выплачивает долг брата Антонию и Цепиону согласно письменным указаниям Квинта (Q. fr. I. 3. 7). Марк был в курсе

⁴ Pittia 2004, 27.

⁵ Pittia 2004, 34.

⁶ Pittia 2004, 32.

финансовых затруднений брата и защищал его, когда он задерживал выплату долга Аттику. В письме к другу Марк описывает плачевную ситуацию, когда у Квинта нет денег и он не может ни потребовать денег у доверенного финансиста Эгнация, ни сделать новый заем для погашения долга (Att. VII. 18. 4)⁷.

С. Питтия выделяет еще один аспект в хозяйственной деятельности братьев: ведение совместных дел и принятие решений сообща, с учетом интересов друг друга⁸. Финансовые дела здесь выходят на первый план, и главной проблемой для обоих братьев становится, где и как раздобыть деньги, в которых они постоянно нуждаются. Примером общей прибыли стали рабы, выделенные Марку из добычи Квинта в Галлии (Q. fr. III. 7 (9). 4). Такие поступки были нормой, поскольку братья постоянно заботились о возможности извлечения прибыли друг для друга. Однако в финансовых расчетах каждый отвечал сам за себя.

Этот последний аспект (рост фамилии и ее богатств) важен, так как экономика, как это уже убедительно показано в целом ряде работ, не составляла самостоятельной сферы, а была подчинена политической карьере и стратегии. И свое благосостояние нужно было достойно увеличивать. Но в то же время появляются новые элементы фамильного хозяйства (как отгонное скотоводство в отдаленных районах Италии, возглавляемое *magister pecoris*, или заморская торговля в средиземноморских провинциях, осуществляемая через *magister navis*⁹), которые лишь номинально находятся под контролем *patria potestas*.

В этой ситуации *pater familias* не оставался в одиночку перед лицом возникших проблем. Как известно, каждый римлянин в повседневной жизни был как бы растворен в различных коллективах и товариществах. Микроколлективы в древнем Риме «переполюбили общественную действительность и как бы составили ее плоть»¹⁰. Это проистекало из того, что коллегиальность и складывающиеся на этой основе сообщества и содружества были в Риме «социально-психологической потребностью, универсальной стихией существования, которую постоянно и многообразно источали из себя социально-экономические и политико-идеологические условия жизни общества»¹¹. Эти объединения представляли в самых различных формах, и для элиты они выступали, прежде всего, в сообществах друзей. В данном случае на помощь домовладыке в решении хозяйственных вопросов приходил традиционный римский институт *amicitia*.

К. Вербовен, специально исследовавший это явление в экономике, отмечал, что основой совместных экономических действий друзей выступали высокие моральные нормы и нравственные ценности в духе *mos maiorum*, объединяющие близких людей: благородство, щедрость, благодеяние, благодарность и ответный долг, верность, доброжелательность и любовь, достоинство¹². По существу, *amicitia* выступает как система социального обмена, генерирующая различные ресурсы¹³.

⁷ Об этом же см.: Cic. Att. IV. 7. 2; X. 11. 2.

⁸ Pittia 2004, 35–39.

⁹ Ляпустин 2007.

¹⁰ Кнабе 1988, 14.

¹¹ Кнабе 1986, 139.

¹² К. Вербовен в феномен *amicitia* в экономике включает еще и отношения патроната, клиентелы и даже связи с рабами в рамках фамилии, с чем трудно согласиться (Verboven 2002, 9–70).

¹³ Verboven 2002, 341.

Amicitia была в значительной мере связана с финансовыми операциями. С одной стороны, сложился способ вести банковские дела через доверенных лиц. Цицерон действует через Клувия из Путеол. Квинт через Эгнация, Аттик через Гая Вестория. Кроме того, в это время, как показал Ж. Андро, были и сенаторы, ссужавшие деньги в долг. По произведениям Цицерона, таких представителей элиты, проводивших финансовые операции с выходцами из высших слоев общества, по имени известно 25 человек¹⁴. Для Цицерона близким человеком, к которому известный оратор постоянно обращался за финансовой помощью, выступает, прежде всего, его друг – всадник Аттик. Но оба брата обращаются и к другим лицам из числа ближайшего круга римской элиты.

Цицерон оценивает эту новую ситуацию – возможность использовать для своих целей денежные ресурсы друзей – в письме к Аттику в январе 61 г. до н.э., когда описывает случай с покупкой своего дома и покупкой консулом Мессалой дома Автропиев за 3 000 000 сестерциев: «Какое мне дело до этого, спросишь ты? Дело в том, что и я удачно купил дом, и люди стали понимать, что допустимо пользоваться средствами друзей при покупке, которая делается для придания себе некоторого веса» (Att. I. 13. 6). Таким образом, *amicitia* в дополнение к индивидуальным усилиям домовладыки выступает важным механизмом достойного приобретения фамильного имущества, столь необходимого в политической карьере и в поддержании высокого социального статуса.

Но возможности *amicitia* были шире. Привлекая друзей, можно было эффективнее управлять имуществом фамилии, контролировать деловых агентов, находящихся вдали от *pater familias*. Так, Марк, как уже упоминалось выше, поручает Аттику, находящемуся в Афинах, отстранить от участия в денежных операциях счетовода – вольноотпущенника Гилара, по характеристике Цицерона, – подлинного негодяя (Att. I. 12. 2). Он поручает другу (*mando tibi*) разузнать все о непорядочной деятельности его клиента, расследовать и удалить «этого бездельника из тех мест, если есть возможность» (I. 12. 2). В другом письме (Att. I. 15. 2) Цицерон просит сообщить, что Аттик выполнил из переданных ему поручений (*de meis mandatis*). В переписке Марк постоянно дает указания: закончи, удали, разузнай и т.п. (Cic. Att. I. 12. 2; II. 4. 1; 6. 2; 16. 4). Эти формы помощи оформляются в виде поручения (*mandatum*). Такие договоры в конце Республики начинают играть значительную роль в экономической практике друзей¹⁵.

Ж. Андро, специально рассматривавший вопрос о том, что доминировало в экономической сфере – индивидуальные усилия, родственные связи или единство и солидарность аристократии, показал, что в финансовой деятельности сила дружбы становилась сильнее силы родства. Новые отношения вытесняли традиционные поведенческие модели предков¹⁶. Но следует заметить, что хозяйственные и финансовые стороны отношений Марка Цицерона с его братом также показывают разрыв с традиционными формами поведения предков¹⁷. Для глав семей до появ-

¹⁴ Andreau 1990, 517.

¹⁵ Verboven 2002, 237–245.

¹⁶ Andreau 1990, 525.

¹⁷ В.И.Кузищин, касаясь крестьянского хозяйства, неправоммерно считал, что отношения взаимопомощи, описанные у Цицерона, отражают принципы традиционной крестьянской взаимовыручки (Кузищин 1973, 33).

ления империи с заморскими провинциями эти формы хозяйственной практики были не нужны, им исторически не было места в римском обществе.

Помощь друзей и родственников в управлении разросшимся имуществом фамилии во время длительного отсутствия домовладыки и в связи с этим расширение сферы поручений указывают на важные изменения, которые происходили в прежде замкнутой, с четко очерченными рамками фамилии. Это был объективный процесс развития фамильного хозяйства, что в свою очередь требовало от *pater familias* выхода на новый уровень объединения и экономических связей, которые открывал феномен *amicitia*. По существу, столь необходимое для поддержания высокого социального статуса домовладыки регулярное получение материальных и финансовых средств было возможно для представителей высших слоев римского общества только с широким привлечением помощи и ресурсов «друзей». Кроме того, опора на дружеские связи традиционно использовалась и для достижения политического успеха. В эпоху Поздней республики представителям высших кругов, активно участвовавшим в политической жизни римского общества, опираться, как это делали предки, на замкнутую, живущую изолированной самостоятельной хозяйственной жизнью фамилию, стало уже невозможно.

Как показал К. Вербовен, рассматривавший экономику на основе *amicitia* через либеральные рыночные модели, получение взаимовыгодных безвозмездных услуг в кругу «друзей» шло помимо рыночных отношений, построенных на платежах за услуги, что ограничивало их распространение. Обе экономические системы (рыночная и на основе *amicitia*) сосуществовали в эпоху Поздней республики одновременно, порой дополняя друг друга. Однако примечательно, что римская политическая элита строила свою экономическую стратегию по большей части на основе *amicitia*¹⁸. А это означает, что вызванная острой жизненной потребностью система объединения усилий и ресурсов «друзей», где отсутствовала оплата услуг через рынок, открывала еще один аспект развития римской экономики в сторону ограничения рыночных отношений и начала движения к натуральной форме хозяйствования.

Заключение

Таким образом, переписка Цицерона показывает, что в конце республиканской эпохи произошло усложнение хозяйственной жизни фамилий римской элиты, которое шло параллельно с усложнением политической жизни в римском государстве. Это были две стороны одного и того же процесса развития древнего Рима.

ЛИТЕРАТУРА

- Кнабе, Г.С. 1986: *Древний Рим – история и повседневность*. М.
Кнабе, Г.С. 1988: История. Быт. Античность. В кн.: Г.С. Кнабе (ред.), *Быт и история в античности*. М., 6–17.
Кузищин, В.И. 1973: *Римское рабовладельческое поместье II в. до н.э. – I в. н.э.* М.

¹⁸ Verboven 2002, 341, 351.

- Кузицин, В.И., Штаерман, Е.М. 1989: Экономика и политика в античном обществе. *ВИ* 8, 39–53.
- Ляпустин, Б.С. 2007: Magister в хозяйственной структуре римской familia II в. до н.э. – II в. н.э. (К вопросу о функциях и правомочиях рабского magister). *Вестник Московского университета*. Сер. 8. История 3, 85–105.
- Andreau, J. 1990: Activité financière et liens de parenté en Italie romaine. In: J. Andreau, H. Bruhns (éd.), *Parenté et stratégies familiales dans l'antiquité romaine. Actes de la table ronde des 2–4 octobre 1986 (Paris, Maison de sciences de l'homme)*. Rome, 501–526.
- Andreau, J. 1997: Rôle de l'économie dans le passage de la République à l'Empire. In: H. Bruhns, J.-M. David, W. Nippel (eds.), *Die späte römische Republik. La fin de la république Romaine. Un débat franco-allemand d'histoire et d'historiographie*. Rome, 169–193.
- Pittia, S. 2004: L'influence des liens de parenté sur la prise de décision économique: le cas des Tullii Cicerones. *Mentalités et choix économiques*. Bordeaux, 21–44.
- Verboven, K. 2002: *The Economy of Friends. Economic Aspects of Amicitia and Patronage in the Late Republic*. (Coll. Latomus). Bruxelles.

REFERENCES

- Andreau, J. 1990: Activité financière et liens de parenté en Italie romaine. In: J. Andreau, H. Bruhns (éd.), *Parenté et stratégies familiales dans l'antiquité romaine. Actes de la table ronde des 2–4 octobre 1986 (Paris, Maison de sciences de l'homme)*. Rome, 501–526.
- Andreau, J. 1997: Rôle de l'économie dans le passage de la République à l'Empire. In: H. Bruhns, J.-M. David, W. Nippel (eds.), *Die späte römische Republik. La fin de la république Romaine. Un débat franco-allemand d'histoire et d'historiographie*. Rome, 169–193.
- Knabe, G.S. 1986: *Drevnij Rim – istoriya i povsednevnost'*. Moscow.
- Knabe, G.S. 1988: Istoriya. Byt. Antichnost'. In: G.S. Knabe (red.), *Byt i istoriya v antichnosti*. Moscow, 6–17.
- Kuzishchin, V.I. 1973: *Rimskoe rabovladel'cheskoe pomest'e II v. do n.e. – I v. n.e.* Moscow.
- Kuzishchin, V.I., Shtaerman, E.M. 1989: Jekonomika i politika v antichnom obshchestve VI. *ВИ* 8, 39–53.
- Lyapustin, B.S. 2007: Magister v hozyajstvennoj strukture rimskoj familia II v. do n.e. – II v. n.e. (K voprosu o funkciyah i pravomochiyah rabskogo magister). *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 8. Istoriya 3, 85–105.
- Pittia, S. 2004: L'influence des liens de parenté sur la prise de décision économique: le cas des Tullii Cicerones. *Mentalités et choix économiques*. Bordeaux, 21–44.
- Verboven, K. 2002: *The Economy of Friends. Economic Aspects of Amicitia and Patronage in the Late Republic*. (Coll. Latomus). Bruxelles.

THE PECULIARITIES OF ECONOMIC LIFE OF ROMAN FAMILIA IN THE 1ST
CENTURY BC (ACCORDING TO CICERO'S LETTERS)

Boris S. Lyapustin

Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Russia,
bsl51@mail.ru

Abstract. The article deals with basic aspects of an economic life of the Roman elite familia in the last decades of the Roman Republic. The attempt to approach the solution of one

of the most difficult problems of an economic history of Antiquity – the correlation between political changes and economic development of Ancient Rome is made in this paper. *Cicero's* correspondence contains valuable information about an important feature of an ancient citizen's life - his involvement – both in political and economic life – in different contact groups where all the decisions were taken. For the elite such an association was a traditional Roman institute of *amicitia* that includes a group of friends and relatives whose relations were based on values in spirit of ancestry morals and manners. The role of this institute was growing at the end of the Republic when, under the circumstances of a sharp political struggle, simultaneously *familia* property increased in Italy and in its provinces. The letters say that, besides plan discussions, different forms of participation of relatives and “friends” in *familia* management were coming into practice, as an enlarged household of an owner and his active participation in political life did not allow a *pater familias* to succeed in a single-handed control of all the spheres of economic life. To apply to “friends” in the form of an order (*mandatum*) was not linked with money fee and existed besides market relations.

Assistance of friends and relatives in management of enlarged *familia* property reveals important changes that happened in a previously closed *familia* with clear delineated limits. Development of *familia* household demanded a *pater familias* to come up to a new level of association and economic ties that were boosted by the phenomenon of *amicitia*. In addition to individual efforts of householder, the *amicitia* became an important tool of purchase of material and financial resources in a decent way that was necessary for maintaining a high social status by the elite as well as for a political career.

Key words: the late Republic, the Ancient Rome economy, Cicero, familia, amicitia
